

Олег Павловский

"каменный остров"

из цикла "ДОМА НА ПЕСКЕ"

В стране голов кипятных, грядок
лопаткой маленькой искал
три дня и воскресенье кряду
за что и выпорот... пока
на Пасху зажигались свечи
казалось: мир хорош и вечен,
и нет опасней петуха...
А мир торжественен как замок -
не кухне зрело торжество -
кидался в сед, дружил с Терзаном,
потом собачники его...
пока в загадочной попоне
не унесли - смотрел без сил
через забор, где ходят кони
и продается керосин

из цикла "ГОРОДСКОЕ ЛЕТО"

Настает лето - разбудите в пять
звените громче красные трамваи!
Я как-то научился просыпать -
не просыпаюсь.
Похож и не похож на листопад
оберточно-бумажный цветочарк
и дворники ругаются, и рано
наверно открывают зоодварк...
и хорошо живется зоо-парк
* * * * *
Не разлюбить ли летний Ленинград
привычный пассажирский безбилетный?

Чтоб самая последняя дыра
и самое потерянное лето...
не разлюбить ли город-феворит
в тяжелый заколдованный гранит -
в глубинах жалт, не отыскать известки...
мальчишки покупают фонари
ценители разыскивают бронзу...
Что за исповедь над городом витая?
Какие по выписывали пельцы,
пуская в небо новенький пятак
что зазвенел из вытертом асфальте...

это мы, это свора трамвайной шлены,
это лежбище львят - где зелив, зелуны -
никого не подпустим к своим торжествующим самкам!

это небу невмочь разовать пред грозой,
это чертова пельца в песке - мегозой
и обломки песчаного замка...

отлянишь! это гордая жизнь из песка,
вороватая ночь, милицейский пикет,
это первая взрослая дерзость,

это первая горькая женская жизнь -
из траве, из скамейках, из счастья - держись
за последнюю эту надежду!

"мотылек"

тибетец озорной! твой вызолочен веер -
то сине-голубой в свечении зари
то яркий как орех и хочется поверить
что - дай-то бог! - и ты заговоришь

кто выдумал тебя и вырезал и вынес
из черного огня курильниц и кадил

и первою рукой в какой пустыне пильной
с какой любовью дерево растил?

любимец мух властитель говорящих
сверчков... но сам ты нем - не кашляешь и не
вздыхаешь поглядывая рожицей блестящей
на танец бабочки в прозорливом огне

темнеет киношарь и блекнет позолота
но черной шапочке и блестки на плечах
и скажет берд не удержав зевоты -
чего не выдумают люди сгоряча!

Е.П.

покупать апельсины
в кульках и корзинех,
в ресторанах - пошучно
за каждую душу...

за оранжевый шарик ленивому горцу
пятаков и лимонных как солнце копеек
серебристых двухгривенных белых как солнце,
как карманное зеркальце маленькой феи...

покупать - подарить ей из память -
забывать - вспоминать в январе...

постучит каблучком, рукавичкой помянит,
постоит, поскользнется на снежной горе...

"бездыханное лето"

КОНТРАБАНДИСТ

древесина и медь и железный набор и опять древесина
извритецкой повязки огонь из глазах капитана
хрупкой лягушки егения бронзовий хор клаусина
мы не прокляты мы спасены, Гезено

контрабандное дерево следкий сандал деревянные деньги
но опять древесина в красный корали для красотки
для искусственного резчика белый из черного четки
иезуит вырезает чернее чем плащ иезуита
я старинную книгу привез для тебя из стареющей Мирры
я привез для тебя я плевал на мольбы иезуита
из-под серой одежды глядят голубые мундиры
и зеленая медь и железная цепь и опять древесина
хрупкой лягни агония бронзовый хор из древесины
израильской повязки огонь из глазах капитана
древесина и медь и железо и вновь древесина
будь вы прокляты мы спасены умрем, Гаэтано...

ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ

я птице говорю не улетай
я набу говорю не гасни бурбонско-голубая смольгама
я другу говорю не пей любимый дешевого и красного вина
я говорю любимой землочи всё впереди потерпим дорогая

восточный ветер западная сталь и проходных дворов марихуана
колючий бисер - капельки росы на стеклах ветровых тексомоторов
четырехнаправленная бензиновая кожа валяется у входа в Англетер
лимонная антильская расцветка раздавленная серым сапогом

Петрополиса шахматное поле ночной дебют и русское начало
гроссмейстер пьет из чаши менестреля но беспокоен сон на островах

врачи вегетарианцы ворожба и вновь царит кристалл Караг-Богаза

о! памяти московские пальцы тяжелые дубовые бирю
сивозные чердаки любви из петроградской марихуаны проходных дворов
восточный ветер западная сталь всё впереди потерпим дорогая
я птице говорю - не улетай...

и первой степени словесь
из полке — тронь и обожжешься,
балетных тапочек и шелка
балетных тапочек едва ль
носнешься, и немоготу
слоняться около, и комнат
незавешаная кома,
но крепко заперта, тут
уместно не воспоминать
и эти тапочки, и плечи
которым тесно каждый вечер
негим коммериком летать...
шунтируй, ну, шун-
тируй, гибкая, до срока
недрыва шелковых волокон
и непружиненных как ве-
ты

Е.Н.

...как — только ты меня не сможешь
как — невский сфинкс заговорить
мертвякин сын не корчит рожиц
и стать Илонней Перих...
ведь даже ты меня не хочешь
сравнить, хоть сравнишь ты
с красивейшей из оболочек
из камня и речной воды —
не мой прерывистый неточный
мой стих... но стоило труда
простить меня за многоточья
за почту, север, холода

"четвертая тетрадь"

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

когда бы я твои припомнил голоса -
высокий чуть звенит,
пропавший вспоминает
каракули, что чертят в небесах
вороны города и загородный эист...

когда бы я твои запомнил имена -
холодное - слегка, горячее - как вымысел...
о! если бы твои я понял письмена,
то может быть я б этого не вынес...

однако я твою допомню красоту
до праха, до резных листочек молочая,
до праздных камешков, праздников
по ту
или по эту сторону сличая
твое имя

2

и да святится пусть твое
простое из простых
пусть луч просвечивает клен -
а желтые листы -
то ровеют по утрам
то просятся в огонь
как королевская тура
и королевский конь
и повторяю неизвесть
взволнованно поныне
как верный королевский гусь
и верная гусыня -
прости на церственной стезе
прелестная богиня!

нас просто не было нигде
не было в помине